

Генералы песчаных КАРЬЕР

Гера
ФОТИЧ

Гера Фотич

Генералы песчаных карьер

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21117747

Фотич Г. Генералы песчаных карьер.: Издательско-Торговый Дом

«Скифия»; СПб; 2010

ISBN 978-5-903463-40-4

Аннотация

Жизнь современных генералов-силовиков всегда была покрыта мраком для обычных людей. Они кажутся некими небожителями возникающими ниоткуда и пропадающими в никуда. Но между этими двумя пунктами у них проходит целая жизнь. К генеральскому званию они идут различными путями, но одинаково на грани закона, где часто не остаётся иного выбора...

Содержание

Глава 1. Разрешите доложить	6
Глава 2. Ласточка с весной!	18
Глава 3. Совещание	24
Глава 4. Петров	36
Глава 5. Разговор	45
Глава 6. Москва на проводе	52
Глава 7. Водитель	60
Глава 8. Баня	67
Глава 9. Застолье	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Гера Фотич

Генералы песчаных карьер

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Если что-то покажется знакомым, или вы кого-то узнаете в героях романа, значит, моя цель достигнута – образ ожил!

*«...вы вечно молитесь своим богам,
и ваши боги всё прощают вам...»
(Ю. Цейтлин)*

© Гера Фотич, 2010

© ИТД «Скифия», 2010

Текст печатается в авторской редакции. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

...Новый роман Геры Фотича «Генералы песчаных карьер» – несомненно, большой шаг в его творческой биографии. Роман хорошо выстроен композиционно. Деловая встреча милицейских генералов в бане – и от нее, словно лучи, расходятся истории судеб всех участников – разные, но одинаково увлекательные и драматичные. Чрезвычайно интересны реалии милицейской службы самых разных направлений – транспорт, таможня, уголовной розыск, отдел собственной безопасности – и Фотич знает их досконально.

Передает ярко и образно. Довольно подробно и убедительно показана и домашняя жизнь героев – именно в ней, порой, кроется причина морального краха, а иногда наоборот – именно близкие служат герою последней моральной опорой.

Главный движущий стимул при чтении хорошей литературы – сочувствие, сострадание героям, а не только их осуждение – и этот привлекательный фактор в сочинении Фотича несомненно есть. Книга, безусловно, полезная. Захватывает сразу и читается на одном дыхании.

*Председатель Союза писателей Санкт-Петербурга,
Член Союза писателей СССР с 1969 года
Попов В.Г.*

Глава 1. Разрешите доложить

«Очень трудное время. Жестокое, но справедливое! Кто скажет, что нам жить легче, чем предыдущим поколениям, тот ничего о жизни не знает. Значит, он живёт где-то на её обочине. Боится взять на себя ответственность за происходящее. Кто он, этот недалёковидный мелкий обыватель. Почему он не может открыть глаза и увидеть наше героическое настоящее. Где идёт борьба за каждую пядь земли. Что мы отвоевываем ради счастья великого российского народа, ради будущего наших детей...»

На этой фразе недавно произведённый в генералы МВД Сергей Евгеньевич Ткач поднял лицо от толстого альбома в синем переплёте, с желтыми, под позолоту вензелями на обложке, окаймляющими тиснёную надпись: «Дневник генерала».

Отложил в сторону ручку с золотым пером, надев на неё колпачок. Отвоевываем..., отвоевываем..., у кого отвоевываем? – подумал он.

Но не стал дальше развивать эту мысль. Решил, что начало получилось замечательное. И позже придумает, у кого всё-таки он отвоевывает пядь земли. Где-то он уже слышал, что современный читатель просто так не будет водить глазами по строчкам. Его надо брать за шиворот интригой и волочь по содержанию, словно слепого котёнка к миске с молоком.

Только тогда он сможет хлебнуть жизненно важный ему напиток и оценить его по достоинству.

Удовлетворённый началом произведения, он с эстетическим удовольствием осмотрел свой кабинет. Совсем недавно его назначили на эту должность, и жена, просматривая каталоги, помогла ему найти соответствующую мебель.

Тёмно-бордовые кожаные диваны, словно притаившиеся гигантские звери, выпучив бока, ждали свои жертвы в объятия. Письменный стол из красного дерева хорошо сочетался со шкафами с двух сторон от входной двери. К одному из них, словно взлётная полоса тянулся приставной стол с двумя рядами резных мягких стульев. Их было ровно двенадцать.

Как двенадцать апостолов, – подумал Ткач, представив себя во главе, но затем усмехнулся – или «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. В каком из них защиты бриллианты?

Конечно прошлая обстановка была не хуже, и ремонт был всего полгода назад. Но так уж повелось в управлении: для самого главного делают ремонт по его вкусу и меняют мебель. Старую разбирают руководители низшего звена, а свою также раздают подчинённым. Так и растут в званиях и должностях карьеристы, протирая стулья из-под своего начальства. Пока не дослужатся до новых!

Не буду же я идти против традиции, – подумал он, – Какое мне дело до кризиса в стране, если бюджет выделяет деньги?

Генерал снова залюбовался лежащей перед ним ненапи-

санной книгой. Потрогал пальцем окутывающий её бархат. Провёл ногтем по шероховатой поверхности. Погладил рельефный переплёт, сделанный под старину. По телу пошли мурашки как от скрипящего по стеклу пенопласта. Он поёжился в предчувствии чего-то благостного. Такая безмятежность изредка окутывала его, когда он чувствовал, что всё получается. То, что уже совершилось, казалось незабываемым, и надо было двигаться дальше.

С любовью оформлена обложка, от доброго сердца, – подумал он. Этот альбом ему подарил приятель – главный редактор одного из самых ответственных государственных издательств города. И договор был составлен на опубликование в сто тысяч экземпляров. Ровно в два раза больше чем последний роман Пауло Коэльо!

Интересно, сколько это будет стоить в реальности? Впрочем, деньги за книгу уже были получены и поделены поровну. Мало того, Ткач успел купить на эти деньги небольшую квартиру в новом доме для своей любовницы Анечки. Правда, без отделки. И не совсем купил. Просто отдавали задёшево, но требовали одну небольшую услугу. Построить заместителя начальника одного оперативного отдела, чтобы он перестал под их фирму копать. Так и сказали смеясь:

– Ты строишь своего подчинённого – мы тебе строим кооператив!

Ну да это дело пустяшное! Можно даже в голову не брать. Но вот книгу, надо обязательно написать. Дело ответ-

ственное, государственное. Исторический процесс! Что будущие поколения будут знать о нашем времени? А так возьмут «Дневник генерала» и сразу всё станет ясно! Может и в школьную программу включают мою книжку!

Надо с начальником управления народного образования переговорить. Он недавно был в прокуратуре на совещании по борьбе с детской преступностью. Я ему напому про патристическое воспитание! Всего-то сто листов, или двести страниц. Пусть из своего бюджета тоже раскошелится!

Бумага была толстая и поэтому книга выглядела внушительно. С директором музея милиции уже была устная договоренность, что данный оригинал, после опубликования всего тиража, пойдёт к ним в фонд. Тот даже обещал выбить из министерства премию. Ну, в крайнем случае, орден какой-нибудь. Конечно же, не милицкий – кому он нужен. Их уже предостаточно, А вот типа «Первозванного» – тот пойдёт. К нему вроде и цепь полагается, – размечтался Ткач, – интересно золотая? Вряд ли. Разве президент раскошелится на золото для генералов? Только и гнобит на всех совещаниях. Сократить пытается. А толку-то что? Пять лет назад, было очередное сокращение на десять процентов всего личного состава. И что же? Генералов было четыреста – стало шестисот! Набрал себе команду хохмач! Кого берёт? Как он их проверяет? Кто ему советует?

Старикова, моего бывшего начальника подтянул! Такую акулу! Всех их там пожрёт в ближайшее время. Видно точно

с кадрами проблема. Но это и хорошо. Вот сейчас проверка министерская пройдёт, шефа снимут, а меня поставят! За что снять уж найдут. Да и я могу подсказать, если надо! Ну да ладно, что бежать впереди паровоза! Что-то я отвлёкся.

Ох, и тяжёлый труд писателя, – снова подумал он и глубоко вздохнул.

В этот момент зазвонил городской телефон.

– Сергей Евгеньевич, – услышал он голос секретарши Ольги, Москва на проводе. Стариков!

Лёгко на помине, – подумал Ткач и взял трубку, вытянувшись по стойке смирно у стола, словно его мог кто-то видеть.

– Здравия желаю, товарищ генерал – лейтенант. Как здоровье?

– Не дождёшься..., – засмеялся голос в трубке, – До меня тебе ещё рановато!

Ткач сконфузился. Зная эту шутку Старикова, подумал, что начал разговор не с того вопроса. Решил дальше промолчать, подождать следующей фразы и догадаться, по какому поводу звонок.

– Слышал, ты книжку пишешь? – продолжал Стариков.

– Так точно, Андрей Петрович, – с облегчением вздохнул Ткач – значит, о долге не напомним, это хорошо, и продолжил, – да что там книжка, так, дневничок на сто листиков!

– Ну, ничего, нормально! А экземпляров сколько?

– Сто.

– Чего всего сто? Друзьям на подарки? – искренне уди-

вился Стариков.

– Сто тысяч! – обиженно уточнил Ткач.

– А! Ну, вот это уже разговор! – в голосе Старикова прозвучало удовлетворение, – Как думаешь распространять?

– Да я как-то ещё не думал, Андрей Петрович, – солгал Ткач.

– Ха – ха – ха, – это тебе не сто экземпляров. Где ты у себя в деревне столько милиционеров наберёшь? Могу тебе помочь за долю малую!

И не дождавшись согласия от Ткача, продолжил:

– Помнишь, как в прошлом году к юбилею МВД лотерею выпустили?

– Так это Ваша затея была? – в восторге не сдержался Ткач.

– А-то чья же? – самодовольно произнёс Стариков, – здесь в управлении татары узколобые оккупировали всё как при Чингисхане и думают, им на блюдечке принесут!

– А я-то гадал! – с откровенным подобострастием в голосе засмеялся Ткач. Всем сотрудникам вручили. Сначала отказывались. Да мы и не спрашивали. Начальникам подразделений раздали и сказали, чтоб деньги были через неделю. Сбоев не произошло! Ха-ха-ха! И кто-нибудь выиграл что солидное?

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Стариков, – Ты что заболел? Конечно, а как же!

– И кто же? – насторожился Ткач недоумевая.

– Да я же! Ха-ха-ха, – ещё громче рассмеялся Стариков, удивляясь несмысленности Ткача.

Теперь уже вместе они хохотали в свои трубки. Один самодовольно, а другой восторженно.

– Так я чего тебе звоню, – постепенно успокаивая смех, продолжил разговор Стариков, – книжку твою так же будем распространять. И никаких тебе чеков и деклараций. Будет всё как благотворительная акция! Так что, как выйдет, сразу мне позвони!

– Есть, товарищ генерал – лейтенант! – подобострастно с вдохновением отчеканил Ткач и ещё сильнее вытянулся у стола, словно приобщился к чему-то новому, неведомому раньше. Обретя ещё большую уверенность в правоте всеобщего дела. Положил трубку на рычаг.

Как же мы её будем продавать, – подумал Ткач, – если редакция уже за неё деньги выдала? По второму кругу что ли? Хотя, если на редактора нажать – можно оформить как благотворительность.

Перезванивать с этим вопросом не стал.

Пока книжку напишу, – подумал он, – всё утрясётся. Вон Чубайс двадцать листиков накропал, а несколько лимонов получил. Правда, скандальчик потом случился – это оказалось взяткой. Но ведь потом! Кстати всё благополучно заглохло. А я что?

Ткач встал из-за письменного стола и прошел к противоположной от окна боковой стене своего кабинета. Там

висела большая картина, изображающая Петра Первого во весь рост. Её на днях принёс знакомый художник и подарил, поздравив с присвоением генеральского звания. Узнав, что Ткач зачитывается Алексеем Толстым, изобразил его под Петра. Благо рост и круглое лицо с растопыренными кошачьими усами совпадали. Срисовать одежду в музее не составило труда.

Правда, как потом выяснилось, художник не знал, что генералу нравились произведения Алексея Константиновича. Но это уже не имело значение. Дело было сделано. Не рисовать же Ткача ещё и в образе Князя Серебряного!

Сергей Евгеньевич смотрел на себя в одежде Петра и думал: всё бы хорошо, но вот если бы кто деньжат подбросил. В последнее время, что-то поиздержался, задолжал. Сначала собирал на должность. Затем на присвоение звания. Аванс за книгу на Аньку ушёл. Совсем там очумели в Москве! Ценник просто ракетой летит вверх. Где здесь успеть насобирать? Если бы Стариков не помог – хана. А говорили, как генералом станешь, сами понесут! Ну и где? Слава богу, с новой должностью проблем не будет. Обещали решить в административном порядке. Но всё равно, так или иначе, придётся расплачиваться!

В этот момент секретарша сообщила, что приехал начальник Заречного отдела внутренних дел с докладом.

Ткач чуть не подпрыгнул от неожиданности. И, лукаво подмигнув Петру на картине, направился к столу.

– С докладом, с докладом, с докладом, – радостно стал напевать он про себя, слегка пританцовывая, возвращаясь вдоль длинного приставного стола на своё рабочее место.

– Пусть зайдёт, – сказал Ткач, приняв серьёзный вид.

Ахмед Нарусович, слегка пригибаясь, словно боясь задеть головой люстру, зашёл в кабинет. Он был невысокого роста, худощавый, в салатном костюме с ярким зелёным галстуком. Чёрные умные глаза горящими угольками выглядывали из-под нависших кучерявых бровей. В левой руке у него был коричневый портфель из крокодиловой кожи.

Вечно эти южане выпендрятся так, чтобы аж светиться, – подумал Ткач, глядя на вошедшего.

Он вспомнил, что несколько лет назад, когда он ещё возглавлял отдел убийств, была директива не ставить на руководящие посты лиц кавказской национальности. А тех, кто случайно уже оказался на месте начальника, контролировать и по возможности, из оперативных аппаратов вывести. Сведения о выявленных сотрудниках ежедневно секретной почтой направляли в Москву. Стали активно приниматься меры по данному указанию.

Но вдруг всё резко переменялось, и сведения стали возвращать обратно. С чем это было связано, Ткач не догадывался. И только теперь, заняв высокий пост, он подумал, что кое-кто знал, что «чёрные» не подставляют. С ними можно иметь дела. Почему же их нельзя допускать к руководству?

Ткач, сделав недовольный вид, словно его оторвали от ка-

кого-то важного государственного дела, приподнялся из-за стола и протянул руку.

Ахмед мгновенно ускорил шаг и оказался рядом, пожимая расслабленную ленивую ладонь, тёплую и немного влажную точно долго пользованный в парилке берёзовый веник.

– Здравия желаю! – произнёс он с лёгким южным акцентом, заискивающе, глядя в круглое лицо генерала.

– Привет, привет, – спокойно ответил ему Ткач, – что скажешь?

– Пришёл доложить, товарищ генерал, – сладко улыбнувшись, Ахмед склонился и привычным жестом расстегнул на колене портфель.

Ткач давно знал Ахмеда, и понимал его с полуслова.

– Ну что ж, докладывай, – невозмутимо сказал он и выдвинул верхний ящик стола.

Ахмед вынул толстый белый конверт и положил в этот ящик.

– Садитесь, – продолжил Ткач, – поговорим об оперативной обстановке у тебя в районе.

При этом он задвинул верхний ящик и направился к стене, где находился шкаф с множеством полочек. Открыв одну из его половинок, достал початую бутылку коньяка и две стопки. Зашуршал обёрткой от шоколада.

Всё это принёс на приставной длинный стол и сел напротив Ахмеда. Разлив коньяк по фужерам, чокнувшись, негромко провозгласил тост:

– Чтоб так всегда!

И залпом выпил.

Ахмед слегка замялся, но строгий недоумённый взгляд генерала, мгновенно придав ему решимости, и опорожнённый фужер был поставлен на стол.

Ткач отломил кусок шоколада и положил в рот.

– Так, всегда, может не быть, – тоненьким голоском пропел Ахмед похожую на исламскую молитву фразу.

– Что значит не быть? – недоумённо, неожиданно резко вырвалось у Ткача.

Слюнявый шоколадный пузырьёк выскочил у него изо рта и лопнул, брызнув во все стороны. Ахмед увидел, как коричневая капелька упала к нему на галстук, но не посмел её стереть, стараясь запомнить испачканное место.

Ткач обратил на это внимание, подумав про себя:

Вот это воспитание!

– Район-то конечно хорош, – жалобно затынул Ахмед, – два рынка, десяток ресторанов, пристань...

Ткач понял, что это надолго. А ему надо ещё писать книгу.

– Ты в районе хозяин? – прервал он Ахмеда.

Ахмед вздрогнул и проглотил оставшуюся заготовленную речь:

– Конечно я, но ведь есть прокуратура, администрация, наркомдурь...

– Не пудри мне мозги! – снова прервал его Ткач, – Тебя, зачем туда поставили? Если не справляешься, так и скажи,

найдем замену. Посмотри, очередь – в шляпах стоят. С кем не поладишь – сообщи, будем выходить на верхнее руководство. Работать надо, понимаешь, работать! Подбери себе команду нормальную и работай. И никаких «может быть».

Вон Васильев из Свердловского района. У него все показатели лучше твоих. Постоянно на совещаниях его дрючат. А тебя ни разу не поднимали. О чём это говорит? О том, что я в тебя верю! Доверяю! Понимаешь? Так вот, доверие надо оправдывать!

Ахмед понял, что пора ретироваться.

– Постараюсь оправдать Ваше доверие, товарищ генерал, – сказал он, натянуто улыбаясь, – разрешите идти?

– Идите, – строго сказал Ткач.

Глава 2. Ласточка с весной!

После ухода Ахмеда, генерал расслабился наедине с собой, заулыбался и достал конверт из стола.

– Вот и первая ласточка, ... ласточка с весной в сени к нам летит, – попытался радостно напеть он, изображая конвертом крыло летящей птички, но посмотрев в окно, вспомнил о летней духоте.

Какая разница, когда эти птицы прилетают, – подумал он, – главное, чтобы они что-нибудь с собой приносили!

Ткач улыбнулся сочинённой остроте и, подойдя к столу, аккуратно ножницами вскрыл конверт. Лицо его слегка поморщилось, что придавало торчащим в разные стороны усам асимметрию.

– Зелёные, – недовольно буркнул он про себя, – бегай их меняй!

Но потом подумал:

Хоть так, а то наши начальники на контакт не очень-то идут. Южане сразу понимают, в чём вопрос: появился новый генерал – приди с уважением! Будешь в фаворе! Поздравишь несколько раз с праздником – считай, что вошёл в доверие. Дальше – не подведи!

Надо бы поменять нескольких русских начальников на чёрных. Может тогда начнут соображать!

Он посмотрел на часы и решил, что пора обедать. Радост-

но про себя заметил, что день до обеда прошёл плодотворно, так бы и дальше.

Уже подходя к двери, неожиданно вспомнил о книге и вернулся. Раскрыв её, продолжил писать:

«...До обеда день как обычно прошёл напряжённо, постоянные доклады»...

На этом слове он остановился и, немного подумав, «доклады» зачеркнул.

Стал писать дальше:

«...постоянные сообщения о совершаемых преступлениях не позволяли отвлекаться ни на минуту, заставляя быть сосредоточенным и готовым в любой момент принять правильное решение, взять ответственность на себя. В соответствии с графиком заслушивания приходил с докладом...»

Ткач опять остановился. Затем подумав, зачеркнул «докладом» и продолжил писать:

«...с планом устранения недостатков и перспективой раскрытия уголовных дел начальник Заречного отдела. Очень долго спорили и обсуждали, какими путями можно повысить эффективность работы подразделения. Невозможно описать в книге все обсуждаемые направления. Но единогласно пришли к мнению, о необходимости объединения всех сил в борьбе с преступностью: прокуратуры, администрации, наркомдури...»

Здесь он снова остановился и решительно зачеркнул последнее слово. Разборчиво написал:

«... Комитета по борьбе с незаконным оборотом наркотиков».

После чего, удовлетворённый направился в столовую.

Столовая находилась на третьем этаже, и ему надо было в духоте подняться на два лестничных пролёта. В здании продолжался ремонт, и Ткач специально переместил свой кабинет в самый низ, чтобы запахи с кухни не беспокоили московское начальство и проверяющих, идущих по второму этажу.

По привычке он направился в общую дверь, но вспомнил, что недавно по указанию шефа сделали отдельный вход из коридора. И, развернувшись, направился к нему.

Вот и ещё темка для разговора! – подумал он, – Надо бы Старикову позвонить, что начальник отгораживается от оперсостава.

Пока тот на больничном, соберу всё, что есть и доложу! А там уж пусть разбираются. И про ремонт доложу, и про вход в здание!

Шедшие по коридору сотрудники здоровались, и тем слегка раздражали генерала. Он знал, что его ладони постоянно влажные и перед тем как поздороваться, протирал их носовым платком. Знакомый психолог намекнул, что это от волнения. Получается, что я только и делаю, что волнуюсь. И подчинённые наверно так считают. Или мне перед каждым рукопожатием ладонь протирать?

Ну, сколько можно здороваться? Здесь народу под тыся-

чу человек. Руку сотрёшь! Кто придумал, что по этикету начальник должен протягивать руку первым?

А если кивать всем головой. Я так и буду, как понукаемая лошадь идти? А не здороваться, тоже некрасиво. Скажут, генерала получил и зажрался. Доброжелатели напишут в Москву. А там только того и ждут, у каждого есть свой кандидат на моё кресло – опять денег вези. Лучше делать вид очень занятого. Идти хмуро сосредоточенно и быстро, глядя в пол. Так-то лучше!

Ткач зашёл внутрь и упал в мягкое кожаное кресло. Здесь, как и в его кабинете тоже был кондиционер. Небольшой индивидуальный стол был покрыт белой скатертью. Здесь Ткач любил обедать один. Все это знали и, увидев через общую дверь, что генеральский кабинет занят, оставались в общем зале или уходили.

Несмотря на то, что все окна там были открыты, духота, словно желе окутывала обедавших сотрудников запахом котлет, солянки, женской парфюмерии и пота.

Через дверь, соединяющую с общим залом, вошла девочка – официантка. Увидев генерала, тут же плотнее притворила её за собой, прищемив, попытавшийся хлынуть в прохладу смрад кухни.

Надо бы завязывать с этим делом, – подумал Ткач, – что я эту парашу ем на глазах у всех? Делаю вид, что мы единый коллектив, едим из одного котла? Вон шеф, даже не знает, верно, где столовая находится! Зачем только дверь сделал,

для меня что ли или комиссии? Конечно, раньше он регулярно сюда ходил. За одним столом сидели. А потом бросил. Стал ездить по загородным ресторанам. В области вкуснее. Кстати надо бы и это отразить не забыть! А я что не заработал обед в ресторане? Хотя, это погудит. Сначала дело, а затем гуляй смело!

Ткач усмехнулся поговорке.

И зачем шеф затеял этот ремонт летом, в самую жару? Видно чувствует, что последние денёчки командуе, ну и решил напоследок деньжат срубить! Сам-то на больничке! В управлении не появляется. Мои друзья хотели в тендер влезть – куда уж там!

Узнал, что от меня – позвонил, сказал не соваться! Я что? Ничего! И про это сообщу! Мог бы поделиться. Забыл, что жадность рождает бедность? Себе паркет, кондиционеры – операм линолеум как пергамент. А как иначе? С чего строители откат насобирают? Пусть строят. Вряд ли он уже вернётся. Главное, чтобы опять какой-нибудь придурок в Москву телегу не накатал. Что они в Москве идиоты? Ничего не видят?

Ох уж эти опера! Всё пронюхали и пытаются любыми путями занести в смету кондиционеры для установки в собственных кабинетах. Подговаривают мастеров постелить им качественный линолеум, больше ламп закрепить на потолке. Даже сами доплачивают с оперативных расходов.

Знаю я эти оперативные расходы. Ларьки крышуют. Как

уж они это делают, мне всё равно. Попадутся – получают по полной!

Вот проверка закончится, буду ездить на обед к руководителям районных подразделений, и смотреть какие оперативные позиции у них. Тут-то и ясно будет, кого нужно заменить.

Генерал посмотрел на часы. Через час начиналось совещание в уголовном розыске, и необходимо было присутствовать.

Закончив обедать, он позвонил в дежурную часть:

– Найдите мне начальника аналитического отдела.

Через минуту раздался звонок на сотовый:

– Товарищ генерал, слушаю внимательно!

– Ты доклад мне к совещанию в уголовном розыске подготовил?

– Никак нет, товарищ генерал, у Вас там выступление не запланировано. На повестке подведение итогов за полугодие!

– Понял, свободен.

Волнение прошло.

Глава 3. Совещание

Уже прошло пять минут после начала совещания. Ткач не торопился. Он знал, что без него не начнут.

– Ох уж мне этот уголовный розыск, – думал он, не торопливо спускаясь по лестнице, – бывшие бессеребренники! Десять лет назад долларом напугать можно было. А теперь вокруг управления порше-кайены стоят и лексусы. Вот тебе и самая честная служба! Честная, пока не дают. А научились работать как БХСС и стали давать. Ну конечно их понять можно. Зарплата начальника как у начинающего водителя троллейбуса. Про оперов вообще нечего говорить. Что там наверху думают? Только обещаниями кормят! Семьи им надо содержать?

Не все конечно могут крутиться. Большинство как не уме-ло, так и не умеет. Вон взять, к примеру, УБОП. Кто умеет работать – тот в фаворе, у бандюков фирмы отбирает и сам крышует. А тот, кто не умеет – водку пьёт и в обносках ходит. Сразу видно кто на что способен. Там иначе нельзя. Это не уголовный розыск их за раскрытие преступлений не дрючат. Им подавай что-нибудь глобальное, чтоб по телевизору показали. То, что потом пшик будет, это никого не интересует. Ну, пусть только мне попадутся!

Ткач вошёл в актовЫй зал и все сидевшие внутри руководители встали.

– Здравствуйте, товарищи офицеры! – по давней привычке сказал генерал и прошёл в президиум, – садитесь.

Начальник управления уголовного розыска Сидоров Андрей Викторович стал докладывать показатели за полугодие.

Ткач тихо попросил у рядом сидевшего заместителя план заслушивания. Мельком заглянув в него, увидел знакомую фамилию начальника Заречного отдела. Вынул из кармана перьевую ручку и зачеркнул фамилию Ахмеда.

– Он мне сегодня докладывал! – сказал Ткач тихо сидящим в президиуме, – лучше послушаем начальника Свердловского отдела!

– У него вроде всё нормально, – зашептали сидевшие рядом руководители.

– Вот это-то и подозрительно! – заметил Ткач, – почему у него всё нормально, а у остальных – жопа?

Президиум замолчал. Кто-то ручкой внёс над зачёркнутым фамилию «Васильев».

Выступали руководители отделов главка и предлагали к заслушиванию начальников районных подразделений. Всё было как обычно. Ткачу не нравилась обстановка совещания. Складывалось впечатление, что заслушивают районы не для того, чтобы помочь, а чтобы показать ему, генералу, как главк распинает районных начальников.

– Раньше такого не было, – думал Ткач. Бывший начальник управления собирал всех за одним столом, сам садился рядом и начинали разбираться, чем кому можно помочь. Ка-

кие операции провести. Какие усилия куда направить. Пили чай. Бывало и покрепче. Главк знал, что его раскрываемость зависит от земли. А районные начальники всегда могли надеяться на помощь от ГУВД.

Теперь каждый был за себя. От этого становилось противно.

Уголовный розыск всегда отличался сплочённостью потому, что там нечего было делить, кроме проблем и забот. Теперь есть что делить! Деньги высасывают отовсюду. Возврат угонных машин. Крышевание игорных мошенников. Прикрытие сутенёрских контор и проституток. Взимание дани с гастарбайтеров. По заказу прессуют конкурентов. Как это всё опротивело! Уйти на пенсию? А кому я там нужен? На что я годен в обычной жизни? Шлагбаум поднимать на охраняемых воротах. Или опять заносы: у одного взял, другому занёс. Благо связями оброс за время службы.

Ткач просмотрел список присутствующих руководителей. Ну, наконец-то, – обрадовался он, – хоть заполнили вакансию начальника первого отдела! А то аналитику возглавить некому. Спрашивается, как управление может работать без анализа криминальной обстановки в городе?

Фамилия показалась ему знакомой.

Неужели это тот Мамедов, – подумал он, – бездельник, участвующий в возврате ворованных машин потерпевшим? Недавно начальник управления собственной безопасности о нём говорил. Связь угонщиков?

Ткач решил уточнить, не откладывая, и прервав докладчика, обратился к присутствующим:

– Начальник первого отдела Мамедов здесь?

В зале наступила тишина.

– Ещё раз спрашиваю, кто не расслышал. Мамедов здесь?

На этот раз сбоку послышался взволнованный голосок начальника розыска Сидорова:

– Товарищ генерал, его нет, я Вам потом объясню.

– Это какой подполковник Мамедов, – уже тише обратился Ткач к Сидорову, что в тюрьме недавно отсидел за вороватки автомашин?

– Там дело прекратили, товарищ генерал, он под подпиской. Я всё объясню, – шептал Сидоров, краснея и наклоняясь к столу, чтобы в зале не слышали.

Но оттуда уже потянулись приглушённые смешки и тихие возмущения.

– Да Мамедов верно уж полковником стал, – сказал кто-то отчётливо, – тюремный срок зачли в стаж!

– И сам того не знает, что руководит отделом, – с издёвкой добавил кто-то.

Смех усилился.

Ткач смотрел на красную физиономию Сидорова и чувствовал, что сильно прокололся. Но где? Даже руководители отделов всё знают. Он подумал, что в последнее время мало уделяет времени изучению климата в собственном управлении.

Как-то мои оперативные позиции ослабли, – подумал Ткач. Надо бы кого из угрозыска пригреть, чтоб рассказывал, что у них там твориться!

Вскоре дошла очередь до Васильева.

– Пойдём ко мне, – тихо сказал Ткач Сидорову, – поручи вести совещание заму.

Сидоров пошептался с заместителями, и через пару секунд понуро последовал за генералом.

– Не вставайте, – негромко сказал Ткач в зал и вышел.

Как только они вошли в генеральский кабинет, Ткач обернулся. Сидоров был коротышкой, хотя и квадратным, поскольку раньше долго занимался борьбой. Но потом пошёл в милицию, и как большинство спортсменов стакан во лбу не держал. Частенько спал физиономией в тарелке, когда пьянка была ещё в самом разгаре. Ему стыдно и неудобно было смотреть на шефа задирая голову, и он, надувая щёки, бубнил, как Вини – Пух, грустную песенку упершись взглядом в генеральский живот:

– Так получилось Сергей Евгеньевич, не подумайте чего. Мамедов неплохой человек. Хороший руководитель районного звена. А то, что тюрьма, так это ж кто её не нюхал теперь, посчитай каждый пятый в КПЗ посидел...

– Но мы-то с тобой знаем, что он за дело был арестован, ведь так? – возмущённо прервал его Ткач.

– Так-то оно так, товарищ генерал. Да где ж сейчас верных людей-то найдёшь? А он ситуацией владеет, и понимает с

полуслова.

– И хорошо понимает? – улыбнувшись, съязвил генерал.

– Очень хорошо понимает, Сергей Евгеньевич! Оперативные позиции держит и сотрудники у него в норме! Раскрытий много!

– Что ты мне бредятину несёшь, – Ткачу надоело это заговаривание зубов, – он ведь только из камеры вышел. Поэтому, два месяца через тюремное окно руководил отделом? Как Ленин? Писал служебные записки на волю? Говори, сколько взял с него за должность и звание? Присвоить-то успели?

– Не успели пока, товарищ генерал. Управление собственной безопасности сопротивляется. Требуют справку о прекращении дела.

– Но деньги-то взял?

– Ну, да, – пробубнил Сидоров.

– Сколько?

– Пятнашку, – чуть слышно пролепетал тот.

– И конечно не деревянных?

Сидоров кивнул и понурился.

– Что-то, ты, товарищ полковник, голос потерял? С кого ещё деньги брал?

– Ни с кого, – торопливо забормотал Сидоров, надеясь, что дело подошло к концу, – клянусь...

– Не гони, – прервал его Ткач, – хочешь, чтобы я приказал, все вакансии руководителей поднять за последние три года?

И посмотреть, кто на них был подвешен, чтобы полковника получить?

– Никак нет, – тут же отрапортовал Сидоров, и совсем тихо добавил, – ну человек шесть – семь.

– Ну, ты и лис! – возмутился генерал, – у меня под носом открыл лавочку по продаже званий. Половина главка знает, а я не в курсе!

– Да сейчас все так делают, товарищ генерал! Надо же своим помогать!

– Это, каким своим? – неожиданно для себя самого возмутился Ткач, что-то задело его внутри, быть может, появившееся с годами службы чувство офицерского братства, – С каких это пор тебе азербайджанцы своими стали. Вон у тебя руководитель агентурного отдела Фролов два года подполковником сидит, исполняет обязанности начальника. Ты с ним в одном окопе баланду хлебал. Афганец! Почему не дашь ему очередное звание?

– Так он не просит, – нашёлся Сидоров и покраснел, поняв, что сказал глупость и сейчас его шеф порвёт на портянки.

Но Ткач неожиданно успокоился:

– Не просит, или не несёт? – тихо спросил он, – ну да. А те просят и денег дают. Что за жизнь. Сами подонков делаем из людей, а потом удивляемся, откуда вокруг нас одни уроды?

– Так ведь время такое! – в тон генералу, тихо, словно подсказку произнёс Сидоров.

– Время такое? – переспросил Ткач, и, глядя в упор, назидательно продолжил, – время, Сидоров, всегда одинаковое: в минуте шестьдесят секунд, а в часе – три тысячи шестьсот. А вот люди...

– Разрешите идти исправлять ошибку, товарищ генерал? – воспользовавшись затишьем, засуетился Сидоров.

– Иди, – грустно согласился Ткач, – исправляйся, и заканчивай свою шарашкину контору, пока кто-нибудь в Москву не стукнул. Вылетишь у меня как пробка из управления!

Сидоров понуро, задумавшись, направился к двери.

– Кстати, – остановил его Ткач, – кто у тебя встречается нашего проверяющего из Москвы?

– Подполковник Фролов, – отчеканил Андрей Викторович, приободрившись.

– Ну вот, чуть что, так Фролов, – укоризненно произнёс Ткач, – а звание Мамедову! Пусть зайдёт. Скажу ему пару слов.

– Есть товарищ генерал, – отрапортовал Сидоров и чеканным шагом добил оставшиеся несколько метров до дверей.

Через пять минут в дверях появился заместитель начальника оперативного отдела подполковник Фролов Игорь Михайлович, которого в управлении прозвали вечным замом. И совсем не потому, что он занимал указанную должность почти десять лет, и это ему нравилось, а потому, что все знали, что выше ему не подняться. Фролова не ставили начальником на всякий случай. Был он самоуверенным. Имел свою

точку зрения. Вновь приходящие руководители видели в нём тёмную лошадку и не рисковали использовать в своих личных целях. А поскольку был он исполнительным, работал хорошо и несколько последних лет исполнял обязанности своего непосредственного начальника, то и поручали ему самые ответственные мероприятия.

Думали – провалит, так убьют двух зайцев: будет на кого списать и должность освободится. Но почему-то до последнего времени все, что ему поручали, проходило на «ура» и приходилось даже его награждать.

– Михалыч, – обратился к нему Ткач, – тебе поручили завтра на шесть встречать нашего проверяющего из Москвы?

– Так точно, товарищ генерал, – бодро ответил Фролов.

– Знаешь его в лицо?

– Кто же этого мудака не знает Сергей Евгеньевич, совсем тихо продолжил Фролов, – Халюков Владимир, забыл отчество! Мы с ним частенько возимся.

– Это не тот, который в прошлом году в милицейскую гостиницу стал девчонок заказывать? Такой длинный рыжий?

– Так точно он! – подтвердил Фролов, усмехаясь, – Ещё после пытался нас заставить оплатить ему проституток!

– Ну, фрукт! – возмутился Ткач, – Может сделаешь, чтобы он к нам вовсе не доехал? Придумай что-нибудь! Вывези его в лес подальше!

Ткач засмеялся своей шутке.

– Так другого пришлют, ещё хуже! – подхватил шутку

Фролов.

– Ладно, – стал серьёзным Ткач, – задача поставлена, выполняй!

– Есть товарищ генерал, – ответил Фролов и вышел из кабинета.

Умный парень, – подумал Ткач, – сообразительный... нечего ему в начальниках делать. Пусть исполняет.

Оставшись один, Ткач снова подошёл к портрету и посмотрел на Петра.

– Ну, что висишь, родоначальник взяточничества? Говорят, что это ты своим заместителям денег не давал? Говорил, что и так наворуют? Вот теперь и смотри на результат – улыбайся!

Настроение испортилось – он представил себе всю глобальность процессов идущих в правоохранительных органах. От такой необъятности закружилась голова. Он сел за свой стол и посмотрел в окно. Солнечные лучи разбивались об отражающее покрытие стеклопакетов. Их жалкие проникающие остатки благополучно тушились кондиционером, истребляя даже намёк на уличную жару. Здесь был совсем другой климат.

Ткач отодвинул от себя книгу и задумался.

– Что же делать со всем этим? Ведь совсем недавно всё было по-другому. Двадцать лет назад. Когда мы пришли операми на землю.

Что изменилось? Ну да, водку пили. Зато работали как

проклятые. Разгребали дерьмо. Тот же Сидоров падал под утро рожей в салат, а потом просыпался и ехал брать маньяка. Кто бы ему тогда сказал, что он будет через двадцать лет званиями торговать – застрелил бы верно. А я тоже хорош. Казначей! Деньги снизу собираю и наверх передаю. Противно. Ну а как жить? У меня – генерала, зарплата тридцать тысяч. У Аньки такая же была, когда секретаршей работала у моего приятеля – бизнесмена.

Кажется, ну вот ещё немного, и наступят перемены. Каждый новый президент об этом говорит. Распускают слухи, что специально денег не платят, чтобы отсеять случайных попутчиков и карьеристов. И как очистят ряды, так и зарплату сделают достойной. Но эти слухи возникают и пропадают уже на протяжении двадцати лет и никто им уже не верит. В регионах опера стали бунтовать через интернет.

А на прошлой неделе и ОМОН голову поднял. Стал рассказывать, как они деньги зарабатывают и своё руководство обогащают. Ну а что же делать? Про военных пенсионеров вообще на несколько лет забыли. Всем пенсию прибавляли, индексировали, а им – нет. Просто вычеркнули из живых!

Опять реорганизация! Видимо фээсбешники не спят! Учужали волну в милиции – наверх доложили. Теперь всё закончится обычным тупым сокращением. Под него всех неугодных и сольют. А неугодные теперь кто? Те, кто неуправляем. Надо же формулировку придумали для тех, кто имеет своё мнение и отстаивает его. Надо будет Фролова

отправить на пенсион!

Ткач почувствовал, как у него заныло сердце. Он достал из сумочки флакон изокета. Прыснул под язык неприятной жидкостью. Во рту защипало. Мысленно, поблагодарил знакомого доктора, за совет носить это лекарство постоянно с собой.

Так и окочуриться недолго от таких мыслей, – подумал он, – надо просто жить. Раз уж попал в колоду – следуй её правилам. Не хочешь – свободен. Другие на твоё место встанут. Иди, получай пенсию десять тысяч и пиши мемуары.

Глава 4. Петров

В кабинет осторожно постучали.

– Странно, – подумал Ткач, – куда секретарша смылась, не предупредив?

И не выходя из-за стола, крикнул:

– Войдите!

Это был подполковник Петров длинный и худой с украинскими усами и глазами побитой собаки, с которым Ткач начинал работать в отделении милиции простым опером. Петров Алексей Иванович был его первым начальником – старшим группы и выглядел совсем по-другому.

Не то, чтобы Ткач его не любил. А просто видеть не очень хотел. Шло от него какое-то дуновение из тех далёких времён, когда были они все молоды и мечтали об искоренении преступности, о спокойной жизни граждан. Когда не было привычки обниматься при встрече, но более близкого человека, чем напарник, прикрывающий твою спину, не существовало. И это дуновение проникало в душу Ткача немым укором, словно заноза начинала саднить внутри, ворошить погребённое когда-то и забытое, казалось навечно.

Та устоявшаяся, воздвигнутая годами генеральская пирамида уверенности и правильности в своей жизни, начинала рассыпаться мелкими песчинками. Расползаясь с самого верха вниз, захватывая с собой другие. Образуя оползни,

грозя превратиться в лавины, несущие в своём грязевом потоке все, что встречается на пути, перемалывая гранит в песок.

Виделись они не часто, быть может, раз в два или три месяца. Да и то на оперативных совещаниях. Когда Ткач сидел в президиуме, а Петров где-то в глубине зала. Но где бы он не находился, их взгляды обязательно пересекались. И взгляд Петрова, словно выстрел из прошлого, пронизывал броню из наград и званий Ткача в очередной раз, раня чувствительную душу.

И вроде бы ничего особенного не было в этом взгляде. Но Ткачу казалось, что в нём таится маленькая смешинка, словно искорка насмешливого покровительства. Подобные тем, что сопровождают умилённые взгляды мамаш, тещащих своих любимых чад, выросших у них на глазах, и пытающихся неумело ухаживать за понравившимися им девочками.

Это было время восторгов. Первых раскрытий, задержаний преступников. Когда Ткач начал верить в себя. Что он тоже может помогать людям.

Петров знал его тогда, как облупленного. И если с кем-то Ткач мог бравировать своей оперской биографией, то при встрече с Петровым, чувствовал себя обнажённым. Точно вся физиономия Ткача была измазана украденным у бабушки вареньем.

Петров никогда ничего не просил и только здоровался при

встрече. Но это ещё больше стыдило Ткача. Генерал убеждал себя, что это от того, что Петров не сделал карьеру и остался опером, правда, главка. Но сути это не меняло и оправдание генерала не успокаивало.

У Петрова была куча начальников и все пытались ему что-то воткнуть. То пошлют на усиление, то в засаду.

Было бы проще, если б Петров пришёл к нему и попросился на повышение. Каким либо начальником в район или здесь в управлении. Тогда бы они вроде как поменялись местами, и долг Ткача возместился бы его милостью. Но Петров не приходил. И не смотря, что его чихвостили со всех сторон, был упрям как палка. В свои сорок восемь лет так и не научился идти на компромисс. Всем говорил правду-матку. Поступал так, как считал нужным.

При встрече в коридоре угрюмо здоровался и, взглянув на Ткача, отводил взгляд в сторону. Ткач убеждал себя в том, что просто Петрову стыдно за себя, что даже не дослужился до полковника и вряд ли дослужиться. Но где-то глубоко в душе Ткача скрёбся маленький жучёк, настырный, невытравливаемый и непрогоняемый. С которым, как не хотел, Ткач, справиться не мог.

Он был в состоянии руководить всем, что было снаружи, но тем, что было внутри его самого и продолжало монотонно разъедать выстраиваемую им защиту из оправданий, он не владел. И каждый раз, видя Петрова, генерал чувствовал, как подгрызаемая внутри оборона постепенно разрушается.

В начале службы Петров учил Ткача всему, что знал сам. Таскал по подвалам, по притонам. Знакомил с осведомителями. Учил вербовать и колоть. Хотя воздействовать на преступников Ткач так и не научился. Петров не давал ему огорчаться.

– У каждого сотрудника в цепочке раскрытия преступления есть своё звено, – говорил он, похлопывая Ткача по плечу.

Обессиленному преступнику, изнурённому опросами, предъявляли Ткача. И говорили, что теперь с ним будет разбираться этот громила с кошачьими усами. Сергей делал злобное лицо. Мучениям задержанного приходил конец – он рассказывал всё, что знал.

Но вообще-то с преступниками Ткач общаться не любил, и с удовольствием ездил на какие-нибудь сборы или курсы повышения квалификации. На что других оперов было не загнать. И, несмотря на косые взгляды оперсостава, пистолет подмышкой убеждал его, что всё же он настоящий опер.

Эти убеждения однажды закончились.

Ткач тогда уже женился на генеральской дочке, которую вычислил по месту жительства, и якобы случайно познакомился. Тесть готовил его к повышению, знакомя с нужными руководителями. В общем, всё было на мази.

В тот вечер, поднимаясь к себе на этаж, Ткач увидел на лестничной площадке у окна двух подвыпивших бомжей,

обоим было лет за тридцать. Один повыше ростом и плотнее комплекцией. Он говорил резко, обрывая на половине фразы своего собеседника, и видно было, что к теме разговора настроен более агрессивно. Второй был худощав. С узким длинным лицом и большим орлиным носом, выглядывающим из-под нависшей чёлки тёмных кучерявых волос. Периодически он мотал головой, убирая её с глаз, и приглаживал рукой к голове, где она некоторое время держалась, но затем снова постепенно сползала вниз. Присев на узком подоконнике низкого окна, они философствовали о современной жизни, периодически прикладываясь к «красной шапочке» (продававшееся в аптеке лекарство на спирту, с заворачивающейся красной пробкой). На закуску, едва прикрытый куском газеты лежал ломтик сыра.

Что дёрнуло Ткача вспомнить о своём долге, он так и не мог вспомнить потом. Но зайдя в квартиру, положил портфель и снова вышел, обнажив оружие.

– Вы что здесь притон устроили, а ну идите отсюда! – грозно произнёс Ткач, держа в руке табельный «макаров».

Бомжи посмотрели на молодого человека.

Того, кто повыше, этот наезд, казалось, даже развеселил.

– Ну, вот тебе наглядный пример современного бандита! – сказал он, обращаясь к своему товарищу и показывая на Ткача.

– Я сотрудник милиции! – громко сказал Ткач, – ну-ка убирайтесь отсюда, пока я вам мозги не повышибал!

Эту фразу Сергей услышал в каком-то боевике, и всё хотел где-нибудь ею воспользоваться, но не позволяли обстоятельства.

– О! – громко сказал тот, что здоровее, – Вот это и есть слияние с организованной преступностью. Всё к тому идёт. Большой разницы скоро наблюдаться не будет, что бандит, что милиционер! Послушай его лексикон!

Ткач подумал, что в полумраке подъезда бомжи не разглядели его пистолет и решил подойти к ним поближе. Он спустился к незнакомцам на площадку и, передёрнув затворную раму, громко произнёс:

– Последний раз предупреждаю, я сотрудник милиции буду стрелять!

Тот, что помоложе, с оторопевшим видом встал с подоконника и попытался укрыться за спиной своего приятеля, который тоже поднялся.

– Михаил, – по-моему, нас сейчас будут расстреливать? – дрожащим голосом произнёс он, – За что? Это казнь?

– Не будут, – уверенно сказал Михаил.

Он шагнул вперёд и, схватив пистолет за дуло, выдернул его у Ткача. А затем, поставив его на предохранитель, сунул в карман куртки.

– Вот так мы поступали в Афгане, сынок, когда на нас направляли дрожащее оружие, – сказал он, и обернулся к своему приятелю, ища поддержки.

– Что вы делаете Михаил? – закричал тот, – а вдруг он

действительно сотружник милиции?

Ткач онемел от ужаса. Его пистолет в руках бомжей! Они сейчас убегут и где их искать? Карьера конец! Будущего нет! Завтра всё управление будет знать, что у него отобрали пистолет неизвестные наглецы. А если они отнесут пистолет в прокуратуру? Расскажут, что он им угрожал! Уголовное дело! Увольнение. Зачем тогда он пошёл служить? Для чего женитьба? Что скажет своей матери? А брату? Он представил, как брат будет смеяться над ним, приехав с севера. Издеваться, как делал это раньше подростком, когда у Сергея что-то не получалось...

Все эти мысли разом закружились в его голове не давая принять правильное решение.

Неожиданно словно из далёкого прошлого, какая-то детская обида выплеснулась изнутри, словно его за чужие шалости, ни за что наказали взрослые. Буд-то брат как обычно свалил вину на него. И за это Сергея лишили того, к чему он так долго стремился и чем уже по праву владел...

– Папа, папа! – закричал он, убегая вверх по лестнице к квартире жены, – у меня пистолет отобрали!

Тесть, в генеральском галифе, с подтяжками на майке, приоткрыв дверь, выглянул на площадку.

– Ну что там у тебя? – командным голосом спросил он убегающего в квартиру зятя.

– Бандиты отобрали у меня пистолет, – взволнованно причитал Ткач, хватая трубку телефона, – я позвоню в милицию!

– Ты сам милиция, что забыл? – усмехнулся тесть, нажимая на рычаг телефона, не давая звонить, – хочешь меня опозорить на всё МВД?

– Что же делать? – суетился Ткач не находя себе место, бросаясь из одной комнаты в другую, – Они сейчас скроются!

Жена и тёща бледные сидели на диване, боясь что-либо сказать.

Тесть, не торопясь вразвалочку вышел на площадку и посмотрел на мужчин. Его крепкая коренастая фигура внушала уважение.

– Отдайте ему пистолет, мужики, – обратился он к бомжам, с ехидцей добавив, – он больше не будет! И ступайте подобра-поздорову!

Бомжи уставились на генеральские лампасы.

– А Вы что – генерал? – спросил Михаил.

– Был генерал, да вышел весь, сейчас в отставке, – ответил тесть Ткача, спускаясь вниз, протягивая руку к оружию, – А это мой зять – он действующий милиционер. Верните пистолет.

Михаил, немного подумав, передал ему «макаров».

– Пусть не балует, – добавил строго, – это не игрушка!

В этот момент в окно парадной ворвался мигающий свет синего маячка. Несколько бойцов в бронежилетах устремились по лестнице вверх. Из квартиры выскочил Ткач и, размахивая удостоверением, потребовал, чтобы бомжей забра-

ли в отделение и возбудили дело по нападению на сотрудника милиции и захвате оружия. Бойцы забрали мужчин с лестничной площадки и вместе с Ткачём пошли к машине.

Тесть посмотрел им вслед.

– Всё-таки позвонил, – сказал он вслух и, презрительно сплюнув в ведро для пищевых отходов, вернулся в квартиру.

Через неделю после этого происшествия Ткач с подачи тестя уехал учиться в московскую академию МВД на дневное отделение.

Глава 5. Разговор

Вот и на этот раз, Сергей Евгеньевич непроизвольно поморщился. Вид Петрова, как обычно, вызвал у него неприятные ощущения. Словно ходячий возбудитель памяти, куда откладывалось всё, о чём Ткач не хотел вспоминать.

Он подумал, что человеческому организму не хватает одного файла, куда можно сложить всё то, что ты сделал наперекор себе. И одной кнопки, нажав на которую можно было всё удалить. Есть какая-то мудрость в электронных мозгах.

Улыбнувшись Петрову, Ткач протянул руку:

– Привет Алексей!

– Здравия желаю, товарищ генерал, – ответил тот без особого энтузиазма. Поздравляю с генеральским званием.

– Да что ты заладил, «генерал» – «генерал», мы же одни! Я для тебя Сергей, как и раньше!

Ткач знал, что Петрову вручили уведомление об увольнении на пенсию. Но увидеть его здесь не ожидал. Не думал, что придёт. Хотя тему предстоящего разговора предположил.

– Какими судьбами? – Стараясь как можно наивней, произнёс Ткач.

– Сергей Евгеньевич, мне вчера вручили уведомление, – сказал Петров медленно, словно кто-то насильно вытягивал из него слова, – через два месяца меня уволят.

– Тебя можно поздравить, – наигранно бодро произнёс Ткач, – уйдёшь на заслуженный отдых, устроишься в хорошую фирму, на большую зарплату.... Эх, мне бы такое!

– Я сейчас не могу, Сергей Евгеньевич, – голос Петрова задрожал, – полгода назад жену схоронил. Одна дочка в институте учится, вторая в пятом классе. Если уйду, как мне их прокормить на свою пенсию?

– Да ты на гражданке в три раза больше чем здесь получать будешь, да плюс пенсия!

Худой Петров, периодически покашливающий от многолетнего першения в горле, требующего для успокоения очередную дозу никотина, сутулясь, стоял в смущении и периодически подносил руку к лицу, в волнении приглаживая свисающие вниз к губам усы. Легенда уголовного сыска, он стоял перед своим давним учеником и старался понять, ту ли науку он когда-то вбивал в голову этому здоровенному детине, под два метра ростом, с круглой, как луна физиономией и редкими, но жёсткими, торчащими в противоположные стороны, усами.

Тот был похож на кота из популярного мультика, который с хрипотцой в голосе и, и совсем не завидуя чему-то далёкому, мурлыкал:

– Таити, Таити.... Нас и здесь неплохо кормят...

Дружески похлопывая Петрова по плечу, вспоминал вслух о том, как они сидели в засадах. Как не уходили с работы и ночевали в своих кабинетах, пока не задержива-

ли маньяка, изнасиловавшего больше десяти детишек. А потом пили водку, закусывая хлебом и огурцом, чтобы забыть ужасные фотографии с изображением жертв, изъятые на обыске у преступника. Как, не дождавшись подкрепления, влезали в окна, освобождая заложников.

Делал это неподражаемо искусно, готовый сам поверить в любовь к тому времени.

А перед ним словно попугай Кеша, сутуло стоял Петров и безнадежно лепетал, поддакивая о той давней старой дружбе, окопном братстве, которое было так далеко и туманно, как тот загадочный и желанный остров Таити. И как Кеша уже и не верил, существовало ли всё то, о чем они говорят на самом деле....

– Разрешите послужить товарищ генерал, пока место не подыщу. Сами знаете, в стране кризис. Хотя бы до конца года!

– О чем речь, Алексей! – уверенно согласился Ткач, – кто тебе уведомление вручал? Ну да, впрочем, я сам всё узнаю.

Бледное лицо Петрова порозовело. Сутулость прошла. Он хотел ещё, что-то сказать в знак благодарности и подбирал слова.

И тут, словно многолетняя жажда, мучавшая генерала много лет, точившая его изнутри, заготовленная фраза, с годами превратившаяся в речь, возвращенная, лелеянная внутри его сердца и ждущая того момента, когда сможет выплес-

нуться наружу, прорвалась:

– А знаешь, ты сам виноват, – прерывая мысли Петрова, произнёс назидательно Ткач, – это всё твой язык! Зачем ты проверяющему из министерства наговорил всякого? Все и без тебя знают, что он придурок! Не первый год приезжает нас проверять. Уж лучше такой, чем слишком умный придет! Зачем автосервис своего начальника управления разбомбил? Тебя же Сидоров вызывал и просил отнестись к этому вопросу внимательней. Неужели непонятно?

– Так я внимательней и отнёсся. С уважением, но там же украденные машины переколачивали! – возмутился Петров.

– Тебе же сказали, «вни-ма-тель-ней»! – по слогам произнёс Ткач, продолжая поучать, – подошёл бы к шефу, согласовал вопрос, и все были бы довольны! Нет, тебе надо в обход связаться со следствием, УСБ подключить и всех арестовать! Кто от этого выиграл? Зачем напёрсточников у метро забирал? Есть ведь мошеннический отдел в главке. Пусть они и разбираются!

– Так ведь там их начальники долю имеют! Зачем им разбираться? – возмутился Петров, – мошенники обманывают всех и стариков и молодёжь, зарплату и пенсии вытягивают. Завлекают лотерейными билетами.

– А кто заставляет их играть? Никто силком не тянет! – Ткач почувствовал в душе блаженство опорожнённого хранилища и примирительно добавил, – Ну ладно Петров, иди. Я поговорю с твоим руководством.

Петров смотрел на своего бывшего подчинённого, и ему казалось, что круглое лицо Ткача со временем ещё больше расползлось в стороны. А может так виделось, из-за оттопыренных ушей, которые раньше скрывали густые волосы. Алексей совершенно не связывал этого генерала с тем наивным добрым парнем, пришедшим к нему в отделение. И каждый раз, видя Ткача, Петрова мучила только одна мысль: когда же и каким образом эта невзрачная гусеница смогла превратиться в пёстро-го недоступного Махаона.

– Спасибо, товарищ генерал, – ответил Петров сутулясь, направился к двери. Но, уже открыв её, снова обернулся:

– Очень прошу товарищ генерал, хотя бы до зимы!

– Ладно, ладно, иди, работай, всё будет в порядке! – бросил ему Ткач.

Настроение у него поднялось. Он чувствовал, что именно этого он ждал все последние годы, здороваясь с Петровым. Его захлестнула волна радости. Словно он добился успеха в непосильном деле, которое тянулось нескончаемой рекой, периодически подтапливая его душу и угрожая когда-нибудь утопить разлившимся половодьем. И вот теперь эта река высохла. Испарилась под солнцем, ушла в песок.

Он сел за стол и радостно пробарабанив ладонями по столешнице дробь, нажал кнопку секретарши. Та оказалась на месте.

– Оленька, вызови срочно начальника Уголовного розыска.

– Хорошо, Сергей Евгеньевич.

Через двадцать минут в дверь постучали. Вошёл Сидоров.

Словно крадучись на цыпочках он сразу подошёл к сидящему Ткачу и зашептал нагнувшись:

– Товарищ генерал, я ещё не успел, у меня сегодня сплошные совещания...

– Ты Петрову вручил уведомление? – прервал его лепет Ткач.

Сидоров оторопел. Он думал совсем о другом. И теперь вспомнил, что этот доставучий, как кость в горле, Петров служил на земле вместе с Ткачом. Как же он мог забыть?

– Так точно, я, – сказал он обречённо.

– Держи на контроле, чтобы через два месяца духу его здесь не было! Достал всех! – чётко произнёс Ткач, и почувствовал полное облегчение.

– Разрешите выполнять? – обрадовался Сидоров.

– Выполняйте!

Неожиданно для себя, оставшись один в кабинете, Ткач почувствовал, что это не он только что говорил с Петровым, стыдил за арест угонщиков и задержание мошенников. Ведь по сути дела Алексей выполнял свой долг и делал всё правильно. Почему же Ткач не посмел сказать ему спасибо? Поблагодарить за проделанную работу, принципиально выполненную на высоком профессиональном уровне. А вместо этого просто избавился от ненужных хлопот. Нашёл ту кнопку, которая удаляет ненужный, вредный файл, несущий в се-

бе только беспокойство и раздражение.

Ткач помнил, что Петров был последний из сотрудников, которые раньше работали с ним и знали его, будучи операми. И теперь, нажав волшебную кнопку, он словно слил всю ненужную ему информацию и уничтожил её, оставшись теперь для всех генералом Ткачём.

Глава 6. Москва на проводе

Он снова достал из стола свою книгу и на минуту задумавшись, стал писать, чтобы окончательно удалить неприятные ощущения:

«...И, конечно, надо быть непримиримым борцом с беззаконием. А это не так-то просто! Когда коррупция насквозь проела весь государственный аппарат и разлагает правоохранные органы. Очень трудно стоять на страже закона одному...»

Ткач, подумав, зачеркнул «одному» и написал:

«... честным милиционерам».

Мысль уносила его под облака:

«... Когда перед тобой стоит сотрудник, и говорит о том, что он всю жизнь посвятил борьбе с преступностью, что сказать ему в ответ, если ты знаешь, что он коррумпирован до мозга костей, а доказать этого не можешь? Нельзя даже намекнуть на то, что ты о нём знаешь. И пусть он жалуется на то, что жена у него умерла. И что теперь воспитывает двух детей. Что ему необходимо повышение по службе, намекая на свою благодарность. Я остаюсь непреклонен. Только холодная голова и горячее сердце могут помочь в такие минуты...»

В этот момент зазвонил телефон.

Ткач недовольно поморщился прерванному полёту вдох-

новения и взял трубку.

– Сергей Евгеньевич, Москва на проводе, – взволнованно сообщила Ольга, – Стариков хочет.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! – отрапортовал Ткач, вставая по стойке смирно и вытягиваясь в струнку.

– Да ладно, можешь сесть Сергей Евгеньевич, чувствую, что стоишь, – прозвучал в трубке знакомый голос, – кстати, ты не проставился ещё по поводу присвоения звания!

– Жду Вас, Андрей Петрович, без Вас ни-ни!

– Ну, недолго осталось. На днях появлюсь! Дело есть к тебе! Что там у тебя с Кондитерской фабрикой?

– Вроде ничего, – заволновался Ткач, – сейчас узнаю...

– Не надо узнавать. Думаю, если б что-то было, тебе бы доложили! Так ведь?

– Так точно! – обрадовался Ткач.

– В общем, слушай, – продолжил Стариков, – там к тебе ребята едут непростые из южного региона, у них ваша фабрика в должниках числится. Хотят её себе забрать. Так ты не чини им препятствий. Наверху всё согласовано. Хозяин – их земляк. Пусть они между собой и поговорят!

– А если хозяин не согласится? – спросил Ткач.

– Согласится. Там их бойцов двадцать, все в полной экипировке со стволами, в масках. Думаю согласится. Так ты уж не встречай! Пойдёт заявка по телефону, вышли дежурку и какого-нибудь полковника старого, чтоб на пенсию можно

было проводить достойно. Кто-то же должен будет отвечать, почему в городе двадцать вооружённых бойцов и мер никто не принял?

– Вас понял товарищ генерал, – отрапортовал Ткач, но уже не так бодро, как в первый раз.

– Не грусти, – услышав понурые нотки в голосе Ткача, подбодрил Стариков, – всё окупится, твоя доля зачтётся на будущее! Ты же знаешь, если я сказал, значит так и есть. Ну, будь!

В трубке послышались гудки.

Ткачу стало беспокойно. Он снова сел за стол и придвинул к себе книгу. Стал писать:

«... Ни секунды покоя. Постоянно находишься в напряжённом состоянии. Ежеминутно поступает оперативная информация о совершённых и готовящихся к совершению преступлениях. Мало нам своих преступников – едут бандиты из южных регионов. И надо им противостоять. Быть повсеместно готовым к отражению атаки с любой стороны. Уметь направить свой личный состав в правильном направлении. Назначить умного, талантливого начальника. Вот и сейчас поступила информация о возможном конфликте на этнической основе. Конечно, я бы мог и сам возглавить группу быстрого реагирования. Но у каждого есть своё место в нашей службе...»

Он прекратил писать.

Ткач подумал, что надо бы заранее решить, кого отправ-

лять на пенсию и, взяв трубку, набрал номер телефона.

– Привет Палыч! – обратился он к начальнику штаба, – кто у тебя сегодня дежурит?

– Полковник Калинушкин, товарищ генерал, – отрапортовал тот.

– Он на месте?

– Так точно, у себя в кабинете, вызвать?

– Нет, не надо, – ответил Ткач, – Если будут заморочки на территории, пусть готовится на выезд руководить!

– Есть, товарищ генерал!

Ткач довольный положил трубку. Он знал этого Калинушкина. Одно время даже вместе работали в уголовном розыске. А потом тот удрал с оперативной работы в штаб инспектором, надеясь на спокойную жизнь.

– Ну, вот и будет тебе спокойная, – усмехнулся Ткач, – на пенсии!

Он заглянул в ежедневник и чуть не ахнул – у него сегодня баня! Генерал – транспортник предложил познакомиться поближе.

Но в это время снова зазвонил телефон.

– Как чувствует зараза, – подумал Ткач о своей половине, беря трубку, и не ошибся.

На проводе была его жена.

– Ткач, тебя, во сколько сегодня ждать? – жёстко спросила она, – время уже семь часов, а ты ещё в кабинете торчишь. Мы же договаривались сегодня съездить в магазин, посмот-

реть рыбок в аквариум. А то скоро водорослями будем любоваться да жуками – плавунцами.

Ткач вспомнил, что совсем забыл про своё утреннее обещание.

– Дорогая, извини, пожалуйста, – начал он оправдываться, – сегодня никак не получается. Вот только отпустил людей, а надо ехать на совещание в транспортное управление. Давай попытаемся решить этот вопрос завтра.

Жена сделала паузу. Она явно была недовольна, но уже привыкла к этому. Затем продолжила:

– Если придёшь после двенадцати, на тёплый ужин не надейся. Я поставлю его в холодильник. И меня не буди.

– Хорошо лапочка, я постараюсь пораньше, – привычно соврал Ткач.

Ехать домой ему совершенно не хотелось. Жену Татьяну он не любил, хотя недавно справили пятнадцать лет совместной жизни. Праздника не было вовсе. Так, посидели в китайском ресторане вдвоем, и домой поехали. Сначала хотели свидетелей пригласить, да потом передумали. Вряд ли Кирюхины придут. Да и найти их непросто – сколько лет прошло! Потом подумали о родственниках, да те только настроение испортят. Тёща опять про своё здоровье канючить начнёт – мол, телеведущий Геннадий Малахов советует ей мочу пить и ещё чёрте что, и всё равно не помогает! Деверь – не пьёт вообще! Недавно из больницы после инфаркта. А свою мать надо из деревни везти, от огорода отрывать.

Пригласить друзей? Каких? Татьянины подружки вечно со своими просьбами лезут. А мои... кто теперь мне друг? Есть друзья у генералов? Наверно тоже генералы, не меньше. Вот поеду сегодня и подружусь! А то ведь будут завидовать, подставят. С этим делом надо разобраться на досуге. Были бы детишки – другое дело. Да бог не дал. Хотя не очень – то и хотелось. Трудные теперь времена детей воспитывать.

Года пролетели быстро, а о продолжении рода так и не вспомнили. К чему такой брак? Но и бросить жену не могу. Обещал на торжественных похоронах тестя-генерала о ней заботиться. Все друзья и однополчане ушедшего в мир иной это слышали. Многие из них в отставку пока не собираются. Влиятельные люди. Так что о переменах в личной жизни пока придётся забыть.

– Не всем же в любви жить, – рассуждал он. Да и кто в такую пору рожает? Кругом сплошной разврат и наркотики. Кто будет заниматься воспитанием детей? С мальчиком – того и смотри, чтоб в дурную компанию не попал, а потом от армии его освобождай. Девочки – сплошные шлюхи. В двенадцать лет рожают. Что за время!

Взять тоже Аньку мою. В два раза младше меня. Чего прицепилась? Ну, я – другое дело. Говорит: любовь. Врёт верно. Кто бы ей квартиру с обстановкой за любовь подарил? Может зря на неё записал? Взбрыкнёт и уйдёт с ней к малолетке. Да нет, не уйдет, знает – под землёй сыщу и башку откручу. Ну а на кого было оформлять квартиру-то? На род-

ственников нельзя. Узнают в Москве – скажут коррупция. Андрей Петрович по головке не погладит. Да ещё и попросит поделиться. Да ладно, что-то я себе наворачиваю. Меня уж заждались верно.

Секретарши в приёмной уже не было. Ткач позвонил водителю и стал спускаться вниз.

По дороге встретились несколько оперативников в бронежилетах с автоматами собирающиеся на задержание. Они быстро пробежали мимо, гремя металлическими пластинами зелёных панцирей, едва не задев генерала.

– Надо им сделать отдельный вход в здание, – подумал Ткач, – Открою чёрный ход – пусть там бегают. А то ненароком ко мне солидные люди пойдут, а эти здесь со своими железяками. Да и так, нечего здесь по первому этажу шлаться. Хотя надо бы как-то это обставить поинтеллигентнее, чтоб жалоб не было.

Тут ему в голову пришла замечательная мысль, от которой он даже вздрогнул:

– Надо подсказать шефу, чтобы отремонтировал выход во двор, и сделать там дополнительный пропускной пункт. А то он не знает, куда бабки государственные ещё вложить, чтоб откат получить. Вот обрадуется!

Чёрный гелендваген уже стоял у подъезда. Его намытые и отполированные бока отражали малейший всполох света, оказавшийся в радиусе пятисот метров. Ткач сел на переднее

пассажирское сиденье.

– Привет Костя, – обратился он к своему водителю, поехали в баню транспортников под центральным мостом. Знаешь где?

– Есть, товарищ генерал! – бойко ответил водитель, – Найдём!

В это время, видя, что джип собирается отъезжать, гаишники перекрыли проспект.

Чёрная квадратная карета неторопливо развернулась через две сплошные и, включив проблесковый сигнал, рванула к ближайшему перекрёстку.

Глава 7. Водитель

Власов Константин Сергеевич стал личным водителем Ткача меньше года назад. Пришёл из управления по борьбе с организованной преступностью, где служил опером. Имел высшее образование и капитанское звание. А ещё он имел хороший нюх на людей. Чувствовал, кто в гору пойдёт, а кто с неё. Гордился очень, что смог из деревни в люди вырваться и всем об этом рассказывал.

Пока боролся с организованной преступностью, умыкнул для себя несколько ларьков в центре города и две кафешки у станций метро. Так что зарплата милиционера служила гарантией пенсии. В очередной раз почувствовав, что зревает реорганизация, решил, что пора держаться поближе к начальству. Узнал, что водитель Ткача пьяный разбился ночью на служебном БМВ, предложил его заменить. В кадрах сопротивлялись – говорили, что не положено офицеру на должности прапорщика сидеть. Но не долго – подарки своё дело сделали. Главное, что всё произошло вовремя, поскольку через месяц после этого управление по борьбе с организованной преступностью за ненадобностью расформировали.

– А как же иначе? – думал Константин, всё к этому шло! Бизнес поделили, а вновь приходящие штыки ничего не имеют. Начинают старших задирать, в собственную безопасность доносить. Чем ещё заниматься? За раскрытие обыч-

ных преступлений в отношении граждан никто не напрягает.

Организованную преступность стали называть самодеятельностью, а сами превратились в организованную преступность.

Власов чувствовал себя спокойно. И за бизнес свой не волновался. Хотя фамилии его ни в одном учредительном или договорном документе не стояло, все участковые, и местные борцы с экономической преступностью знали, чья это вотчина. Теперь, когда Ткач стал генералом, Власов ожидал к себе очередь из попрошайек. В связи с этим ожидалось повышение благосостояния. Кому как не своему водителю может довериться хозяин?

За прошедший период Костя уже практически всё узнал о Ткаче, а поскольку поначалу возникали вопросы в собственном бизнесе, пришлось рассказать и о себе. Ткача, Костины ларьки и кафешки с транзитными посетителями не заинтересовали. После чего Власов очень даже зауважал своего шефа.

Из разговоров с другими водителями членовозов, он знал, что иногда те начинают использовать бизнес своих подчинённых и даже пытаются войти в долю.

– Здесь птица высокого полёта! – говорил Константин своей жене о Ткаче и не ошибся.

В благодарность за это Власов готов был хранить все тайны своего шефа до гроба и выполнять все его указания безропотно.

Вёл машину он всегда уверенно, не торопясь. При необходимости включал мигалку и сирену.

Такая езда нравилась и Ткачу. Не суетливая с достоинством. На торпедо висела радиостанция. При необходимости Власов связывался с постами ГИБДД и те заранее останавливали дорожное движение, пропуская джип.

В такие минуты Ткач особенно остро чувствовал свою значимость. Он глядел сверху на стоящие в пробке российские лохматки и навороченные иномарки с крутыми номерами. Ему казалось, что вот именно здесь и сейчас эти суетящиеся в салонах и спешащие по своим делам водители и пассажиры должны в полной мере ощутить, то, что все они равны перед законом. Именно то, что гарантирует конституция нашей страны.

– Сергей Евгеньевич, разрешите вопрос, – наконец решился прервать раздумья генерала Константин, – вам не надоело трястись на этой табуретке? Жёстко ведь! Говорят, начальник управления заказал десять БМВ последней модели на полном фарше. Так может, выделяют нам одну. А джип оставим для охоты или снежной зимы!

– Вообще-то можно! – согласился Ткач. Если Москва промолчит. Сам знаешь, в министерстве с деньгами напряжёнка.

Ткач знал об этой закупке, и факт её держал про запас. Кто-то слил информацию в прессу, и там пытаются раздуть скандал – почему вместо ста жигулей для оперсостава, главк закупает десять иномарок для неизвестно каких начальни-

ков.

Ткач хотел понять, куда качнётся маятник Москвы. Ведь пара машин уходила им. И надо было вовремя принять ту или иную сторону. Во всяком случае, его устраивали оба решения. Либо получит машину, либо будет ещё один камень в огород начальника.

Несмотря на то, что машина была совсем новая, чувствовалось, как периодически по корпусу идёт судорога от несильных ударов колёс попадающих в асфальтовые выбоины. Это не мешало думать.

Как-то последнее время Ткач всё чаще стал задумываться над своей жизнью. И дело совсем не в том, что она ему не нравилась. Просто ему всегда казалось, что она будет другая. С каждой вешкой пройденного пути, ему казалась, что вот-вот она свернёт и пойдёт по тому направлению, о котором он всегда мечтал. Которое чувствовал перед собой, но не мог нащупать. Каждый раз, выходя на новую высоту, а оно именно так и было, потому что карьера его повсеместно шла в гору, он понимал, что это снова не то. Быть может это «не то» и заставляло его двигаться всё активнее?

Изредка в голову приходила мысль – остановиться. Просто сесть и подумать. Постараться почувствовать кто он, где он и что творит. Нужно ли ему это. Но с каждым годом времени на такую возможность оставалось всё меньше. Всё чаще от вынужденного напряжения и увеличивающейся скорости, всё впереди начинало мелькать. Словно бегущие сверху

вниз кадры незнакомого фильма, делавшие Ткача похожим на белку в колесе – перебирающую своими быстрыми лапками деревянные спицы, не в силах застопорить это замкнутое чёртовое колесо, которое сможет остановиться, только когда одна из опор сломается, и она провалиться с разбегу в образовавшийся промежуток. И тогда застряв в таком неуклюжем положении, как препарированная лягушка, сможет реально обо всём подумать. Всё взвесить и принять решение. Но сможет ли он выбраться из этого провала? Успеет ли? А может те, бегущие за ним, даже не заметят, что кто-то провалился и ему нужна помощь. Просто наступят по разу, распластав как тесто, и укатают его в тропку. Сделав из него частичку того крутящегося колеса, по которому некое время назад он бежал сам.

Но пока ступени под ногами ещё крепки. С боков и сзади напирают конкуренты. Думать некогда – дави на газ!

Он посмотрел влево на сосредоточенно ведущего автомашину Константина и подумал, что верно он уже нашёл свою веточку в этой жизни и просто её охраняет от посягательств соседей. У каждого в этой жизни своя высота.

Наводя справки про своего будущего водителя, Ткач узнал, что тот был спокойным и умным опером. Показателей с управления по борьбе с организованной преступностью практически не требовали. Работали они, в основном выполняя заказ особо рьяных высоких чиновников, заботящихся о своём имидже, коммерсантов, приближённых к ру-

ководству, а частенько и сами вписывались в решение коммерческих споров, повышая собственное благосостояние.

Не обогащались только ленивые и пьяницы. Были ещё идейные, честные сотрудники, но те рано или поздно наступали кому-нибудь на мозоль и благополучно переводились в другие структуры, чаще – в уголовный розыск.

Константин к идейным не относился. А судя по нажитому, то и к пьяницам с лентяями тоже.

Своё состояние он нажил легко. Бандиты, которые были с головой, своих бизнесменов любили и охраняли как курочку Рябу. Основная же масса была временщиками. Доила бизнесменов по полной. Разводила их на деньги. Сами устраивали проблемы через своих корешей, а потом сами же их решали, заставляя бизнесменов продавать свои машины и квартиры.

Вот тогда с последней надеждой шли бедняги к милиционерам. Уголовный розыск, вечно занятый раскрытием грабежей, разбоев и угонов, с удовольствием отправлял бизнесменов в Управление по борьбе с организованной преступностью, где времени было предостаточно, и частенько сажали бандитов за вымогательство, взамен получая долю в бизнесе. Именно таким способом и попали к Власову кафешки и ларьки.

Длилось это не долго. Безголовые бандиты сошли на нет. Остались умные. Вошли в бизнес и превратились в преуспевающих коммерсантов, которым нужно спокойствие и развитие. В малом бизнесе установилось видимое равновесие.

Глядя, как зарабатывают милиционеры, за дело стали брать-ся чиновники, используя свой административный ресурс, но их интересовал уже крупный бизнес.

Ткач чувствовал, что именно в этот передел его всё время пытаются затащить и отчаянно сопротивлялся. Эпизод с кондитерской фабрикой под кураторством Андрея Петровича, ему совсем не нравился.

Машина съехала с моста и, завернув мимо автомойки, въехала внутрь открытых ржавых железных ворот.

Глава 8. Баня

Баня располагалась под мостом. От начала виадука до того места, где он уже нависал над железной дорогой. Как она могла уместиться на таком небольшом пространстве, оставалось загадкой. Снаружи её прикрывали ржавые ворота для заезда автомашин в ремзону. Оттуда невзрачная дверь вела в потаённые кладовые.

Всё здесь было натуральное. Мраморные стены и пол, музейным полумраком скрывали свою истинную цену. Казалось, что ты попал в неучтенные фонды, заполненные экспонатами мировой культуры. В нишах журчала вода из фонтанов в виде греческих статуй. Сверху висели хрустальные люстры. Огромный бассейн бурлил водой, насыщаемой кислородом.

Отсутствие окон навевало мысль о подземном царстве хозяйки медной горы Бажова или современной игры онлайн, с выбегающими из-за угла чудовищами. Становилось не по себе. Вот-вот за тобой захлопнутся стены и никакой «Сим-сим» не поможет. Наверно так оно и было.

Ткач подумал, что это похоже на его жизнь, в которую он однажды зашёл с чёрного хода и с удивлением обнаружил, что изнутри она может выглядеть совершенно по-другому. И пока он осматривался и примерялся, время вышло. Вернуться уже никак – дверца захлопнулась, пароль забыт.

Баня принадлежала генералу транспортного управления. И хотя это помещение сдавалось в аренду некой фирме под мастерские и мойку, все приглашённые знали кто здесь хозяин.

Это был старинный друг тестя Сергея – Журов Поликарп Афанасьевич. Ему было под шестьдесят. Среднего роста. Плотного сложения с волевым подбородком, он мог олицетворять в кинематографе образ настоящего силовика. Если бы не голубые глаза. В сочетании с жесткой мочалкой чёрных как смоль крутящихся мелким бесом волос, они казались совершенно беспомощными.

Журов присутствовал на похоронах и, как все, обещал заботиться о семье Ткача. Хотя он и не представлял тогда, чем сможет помочь, поскольку чувствовал, как шатается кресло под ним самим. Но отставать от других не стал.

Генерал-майор Журов устал ждать очередного звания. Молодые наседали со всех сторон, и пять лет назад он решил просто пожить для себя. Купил себе однокомнатную квартиру и стал жить с молодой девушкой, которую привёз с отдыха на Иссык-Куле. Он не любил современные вертикали, о которых тындычил президент, поскольку они быстро возникали и ещё быстрее разрушались.

Постоянным оставались только старые добрые знакомства.

Чтобы не затеряться совсем в этой тасуемой часто сменяющимися министрами колоде, он приглашал к себе в баню

руководителей силовиков и своих знакомых – солидных бизнесменов, которые сколотили состояние на железной дороге. Он бы и не впутывал в общение гражданских лиц, но кто-то же должен был организовать стол и обслуживание по высшему разряду!

Все последние годы Поликарп жил, как ему казалось, на компромиссе. Избегая ссор и конфликтов. Он отдал жене карточку, куда переводилась официальная зарплата, и та его не доставала. Дети были уже взрослые, жили отдельно. Они не поняли поступок своего отца, но видя, что мать не в обиде, продолжали изредка навещать Поликарпа, приглашая его на дни рождения и другие праздники. Журов не отказывался, приходил один, но ненадолго. Внизу в машине его всегда ждала Гуля.

Баню Поликарпу отдал его знакомый вор в законе Гурам, когда почувствовал, что прибыли она не приносит. Сиженная молодёжь, один раз сюда попав и узнав, кто хозяин, отказывалась платить, ссылаясь на воровское братство.

Вот и придумал Гурам байку о том, что за последнюю ходку ему срок «скостили», а в зачёт баню забрали. Молодой криминалитет возмущался недолго. Как увидели на воротах милиционера – стали платить.

Соответственно, доля от прибыли и немалая, шла Журову. Были кроме этого у него и другие источники доходов. Такие, как торговцы в поездах, гостиницы в старых вагонах, брошенных в тупиках, вокзальные ларьки... Но здесь он не

совался. Грамотно расставленные руководители всегда делились с ним прибылью. Периодически приезжали с министерства гонцы с проверками, намекали на необходимость пополнения московского бюджета. Но Журов только кивал головой, а на коллегии и другие мероприятия возил руководителям подарки. Деньги заносить не умел.

Гурам, через своих людей комплектовал баню услугой и продуктами. Когда надо присылал девчонок. Сам тоже изредка заглядывал, знакомясь с приглашёнными попариться генералами и другими руководителями силовых структур.

Журов любил свою форму и даже в баню приезжал в генеральском кителе, в отличие от тех, кто по новой моде скромничал, боясь попасть в прессу.

На сегодня он пригласил Ткача – исполняющего обязанности начальника городского управления. Ходили слухи, что сам начальник, был уже пару месяцев на больничном. Хотя и вёл у себя заочно какой-то ремонт. Никто не собирался помочь ему остаться в должности.

Москва считала, что он не перестроился: когда от силовиков потекли рекой деньги в Москву, он по – старинке продолжал возить дорогие подарки, коньяк, виски, сувенирное оружие. Там решили, что он скряга. Журов предполагал, что впереди его ждёт такая же участь.

До Журова доходили слухи, что заместитель начальника управления – Ткач, в отличие от своего руководителя, держит нос по ветру. Знает, что почём и не стесняется заносить

куда нужно. Один раз они виделись на похоронах Ткача, а потом несколько раз на совещаниях в министерстве. Но дружбы пока не возникало – возраст был разный, а соответственно и отношение к службе другое. И теперь Журов пригласил его познакомиться поближе в узком кругу – может пригодиться!

Вместо компьютерного монстра, при входе Ткача встретил майор милиции и проводил в гостиную. Журов вместе с тремя своими приятелями уже сидели в центральном холле, завёрнувшись, словно бугристые клумбы, в цветастые простыни. Закусывали чёрной икрой, черпая её общей ложкой из литровой банки. Размазывая по горячей булке, предварительно пропитанной сливочным маслом. Нарезки рыбы, колбас и сыра оставались нетронутыми. Молодые ребята южных кровей расставляли овощи и фрукты.

Журов сидел с краю и легко поднялся навстречу гостю, круглое лопоухое лицо которого, снова, как и в предыдущие встречи, напомнило ему кого-то из знакомых.

– А вот и будущий начальник главного управления пожаловал! – искренне обрадовался он, представляя друзьям Ткача, который прикинувшись смущённым, озираясь по сторонам, – прошу любить и жаловать!

Генералы попытались встать.

Самый толстый из них, генерал Минюста Игнатов, стал шарить ногой соскочившие под столом шлёпанцы. Но потом, бросив это безнадёжное дело, опёрся о стол левой рукой, и,

оторвав от кожаного дивана свою задницу, протянул правую для приветствия. При этом простынь распахнулась, и он голым круглым животом, покрытым редкими длинными волосами, чуть не опрокинул стол. Смутился. Поздоровавшись, снова плюхнулся на место, запахиваясь.

Сидевший слева на диване долговязый, но с хорошей выправкой, генерал таможенной службы Ефимов Семён Борисович легко вышел из-за стола и протянул Ткачу жилистую загорелую руку.

– Рад Вас видеть в нашей компании произнёс он, блеснув множеством золотых коронок на зубах. Улыбка ещё более состарила его продолговатое лицо, углубив морщины у носа и глаз.

– Хватит тебе улыбаться, – пошутил подошедший руководитель университета МВД Кудашкин Максим Николаевич. Коренастый, невысокого роста с приспущенной простыней на плечах, оголившей накаченные бицепсы, которыми он хвастливо поигрывал, периодически напрягая.

Он протянул свою мощную клешню, почувствовав как ладонь Ткача, похожа на тесто готовое просочиться сквозь пальцы его дружеского рукопожатия, не рискнул выразить таким образом свою симпатию. Подумав, что молодёжь пошла хилая, сказал:

– Очень рад знакомству!

– Сначала переодеваться, товарищ генерал, – обратился к Ткачу Журов, с улыбкой спасая положение, и жестом при-

гласил пройти в раздевалку, – Не обращайтесь внимания, Ку-дашкин у нас маньяк по тяжестим и ещё по кое-кому!

Проходя коридорами, объяснял:

– Вот здесь один туалет, здесь другой, комната отдыха, ещё одна комната отдыха, бильярдная...

Раздевалки было две. Обставлены одинаково просто: десяток шкафчиков, скамейки с мягкими сиденьями, на стенках – зеркала, тумбочки со стопками банных полотенец и простынями. Тут же у входа как на параде выстроились по ранжиру резиновые шлёпки.

– Это – женская, – сказал Журов, – а нам сюда.

И завёл Ткача в раздевалку, где чувствовалось, что порядок уже нарушен.

– Выбирай любой пустой шкафчик и раздевайся, – сказал он, – бери полотенце или простынь, что больше нравится и присоединяйся к нам. После чего вышел, оставив Ткача одного.

Сергей Евгеньевич снял одежду и повесил в шкаф. Одел шлёпанцы.

Посмотрев на себя в зеркало, увидел небольшой, но явно выделяющийся круглый живот, уже начинающий провисать и еле видимый рельеф плечевых мышц. Подумал, что надо бы походить в спортивный зал. Но затем, огорчённо махнув рукой, обернул вокруг себя простынь и направился в гостиную.

Когда все расселись, Журов представил присутствовав-

ших по должностям, а затем предложил выпить.

– За встречу, и знакомство – сказал он, наполнив рюмки и, обернувшись к Ткачу, добавил, – опоздание прощается только в первый раз!

Сергей Евгеньевич виновато улыбнулся.

– Ваш бункер, товарищ генерал, днём с огнём не сыщешь! – как комплимент произнёс он.

Все одобрительно заулыбались.

– Скромность и неприметность всегда украшают! – в тон Ткачу ответил Журов.

Выпив водку, он ощутил, как спиртное загло в груди и приятно растеклось в стороны, постепенно утихая и расслабляя организм. Это радовало.

Поликарп Афанасьевич хорошо помнил времена, когда это жжение долго не проходило, продолжая усиливаться так, что, казалось, от него загорится кожа, а потом рубашка.

В первый раз это случилось в морском порту. Когда у него на глазах арестовали весь пришедший груз. Целый пароход шмоток – контрабанды из Китая. Этот великий трудяга – супертраулер, вместо того, чтобы бороздить морские просторы в поисках и лова рыбы, был набит под завязку картонными коробками. Даже в морозильных камерах, вместо алюминиевых поддонов лежали перевязанные скотчем тюки. Под сине-красным флагом Камбоджи, корабль сиротливо стоял у причала, слушая, как поднимаясь по железной лестнице, стучат кованые сапоги целой роты вооружённых погранич-

ников, вызванных таможенниками. И каждый их шаг с удвоенной силой бил Журова по лицу, по голове, в живот.

По документам груз принадлежал ФСБ и направлялся на её воинские склады. Ответственным за безопасность товара в порту был заместитель Журова – полковник Березин, у которого имелось предписание. Ехидная улыбка Березина, снискавшая ему славу проницательного и мудрого руководителя, сошла с лица, как только «запахло жареным». Он стоял бледный, пальцами правой руки приглаживая усы. Рука вибрировала, тем самым топорща жёсткие волосы в разные стороны.

Теперь Журов вспомнил, на кого похож Ткач своими редкими кошачьими усами и круглым лицом. И от этого воспоминания, что-то передёрнулось внутри. Словно не выполнил он давнего своего обещания и никогда больше уже не сможет выполнить.

– Что же это твориться, Афанасич, – дрожа голосом, тихо причитал Березин, стоя на причале, доставая телефон из кармана пальто, – кому звонить – то?

– Сам знаешь кому! – строго отозвался в ответ Журов, правой рукой поглаживая начинающую зудеть грудь.

Березин был на десять лет младше Журова. Из молодых и притких руководителей. Его поставили заместителем после того как сам Журов наотрез отказался участвовать в контрабанде. Это было условие: либо сам, либо ставим тебе молодого заместителя, но ты его не трогай! Журов и не трогал

его. Знал, сколько верёвочке не виться, а кончик всё равно найдётся. И глядя на активность молодого зама, любил его жалеючи. Словно чувствовал, что придётся заботиться о его семье, о детишках маленьких.

За два года помогая Березину советом, или просто прикрывая, он и сам невольно оказался замешанным в этом деле. Возможно, так и было всё задумано. Стал получать небольшую долю. А как отказаться? Если уже только уши остались торчать из этих махинаций.

– Что грустишь старина? – часто обращался к нему Березин, когда видел грусть в глазах Журова, – Чёрт не выдаст, свинья не съест. У нас ведь всё схвачено! Посмотри, какие люди в колоде!

Широкий в плечах, с постоянной ехидцей на губах, Березин до последнего не верил, что в схеме случился сбой. И только оказавшись в камере, стал передавать через адвоката слёзные письма. Грозился рассказать обо всех, если его не вытащат. Зря он это делал. Вытащили... вперёд ногами. В тюрьме оформили как суицид.

Хоронили торжественно. Под залпы автоматных выстрелов. Суда не было, и никто не мог назвать его преступником. Жене и детишкам назначили положенную пенсию. Журов помогал деньгами, как мог. Выдавал каждый месяц, пока дети были маленькие. Она не спрашивала откуда. Отводила взгляд в сторону, молча брала и уходила. В её отсутствующем взгляде, беззвучном уходе ещё громче, чем в истерии

ческом крике звучал упрёк за брошенного в беде товарища. Каждая встреча с ней карябала Журова внутри. Отдирая задраенные временем кингстоны, выпуская наружу боль и то, что с годами он научился прятать на, казалось, недостижимой глубине своей души. Как мог он оправдаться? Что объяснить ей и её детишкам?

Контрабандную схему перекинули на Дальний Восток, и похоже все волнения ушли безвозвратно.

И вот теперь в лице Ткача Поликарп увидел знакомые черты своего бывшего заместителя. Только тому приходилось свои усы топорщить, а у Ткача, они торчали в стороны постоянно, словно наклеенные.

Журов отвлёкся от своих мыслей:

Водка уже была налита в стопки. Все чокнулись.

– Пока не началось! – сказал Журов любимый тост своего бывшего зама.

Глава 9. Застолье

После небольшой паузы, заполненной постукиванием мельхиоровых ложек о стеклянную банку с икрой, аппетитным причмокиванием и парой тостов, разговор продолжился. Все ели только икру и овощи.

– Ну, Сергей Евгеньевич, расскажи, как проходит министерская проверка?

Ткач оторвался от еды. Но проглотить очередную порцию икры не успел и отвечал дожёвывая:

– Да пошли они все! Что им надо я не пойму. Собрали со всех деревень шушеры, и организовали комплексную бригаду. Хорошо хоть москвичей поставили старшими. Они думают, им из районов выделяют наиболее опытных, как просили. Выкуси, дают тех, кто не нужен, или оказался не у дел. Ну, кто же хорошего сотрудника отдаст? Чтобы потом его ещё и в министерство пригласили работать? Слава богу, там у них с квартирами тоже напряжёнка. А то многие бы уехали заполнять чиновничий некомплект.

Завтра приезжают уголовный розыск проверять. А за ними – руководитель бригады. Какой-то полковник, Сорокин Михаил Фёдорович. Не слышали о таком?

– Сорокин Миша? – спохватился Кудашкин Максим Николаевич, руководитель университета, – Опять всплыл на поверхность непотопляемый авианосец! Губастенький та-

кой. Помню, помню, как он галстук любил затягивать перед выступлением, чтобы себя дисциплинировать. Речь сразу начинала звучать отточено как крупнокалиберный пулемёт. Ни на что не отвлекался. Только шея багровела и наливалась, а он всё затягивал. Я всё время боялся, что он себя так задушит. Ха-ха! Но когда-нибудь это произойдёт!

Кудашкин был невысокого роста, но крепок в кости и плечист. Несмотря на свои пятьдесят, не переставал периодически у себя в кабинете поднимать гантели. Шутя подкидывал пудовую гирию. Любил поигрывать перед зеркалом мышцами. Редкие волосы на голове, старательно прилизанные к затылку только акцентировали внимание на выглядывающей из-под них не ровно блестящей, словно подкорректированной рубанком лысине.

– Да я ж его знаю как облупленного, – продолжал Максим Николаевич, – Он лет пять подряд засовывал ко мне бесплатно своих подопечных, из налоговой полиции. Ссылался на их некредитоспособность и давя на мою гуманность.

Открыли с ним под эгидой университета фирму типа общественного фонда оказания помощи правоохранительным органам. Сейчас уже не помню точного названия. Арендовали склад в центре города. Налоговики стали туда свозить изъятый у комерсов товар. А мы деньги снимать за хранение. Весёлое было время! Правильно изъяли или не правильно – нас это не касалось. Сутки прошли – давай денежку. Года два работали так. Я себе отличную квартиру в центре купил.

И надо было кому-то оперишке из уголовного розыска всё это раскопать! Якобы его агента ни за что обули. Товар вывезли и незаконно деньги требовали в налоговой полиции. Он взял да и записал всех. Плёнку направил в Городскую прокуратуру. Шума было! Даже кого-то из налоговой полиции арестовали. Они ведь тоже с этого денежки имели. Из столицы команда приезжала меня снимать! Не тут-то было! Не они ставили, не им и снимать меня! Ха! Отделался выговором. Ну и, конечно, денег пришлось занести немеряно куда надо. Сорокина сразу как корова языком слизала.

Вдобавок к этому, потом оказалось, что он с сотрудников за поступление по трёшке бакинских снимал. Такой подлости я не перенёс. Сволочь оказался! Вычеркнул его телефон из памяти. Так что Серёга, будь осторожней с ним! Налоговую полицию к тому времени расформировали, а в милицию его не взяли, видать не только меня обидел. Подался в коммерсанты. Бредил быть генералом! Видимо жизнь ему ещё один шанс дала!

– Ха-ха-ха! Если только «жизнью» назвать какого-нибудь корешка из управления кадров министерства, которому он денег пообещал за восстановление! – неожиданно, тряся жировыми складками пол прилипшей простынёй, загоготал Игнатов – генерал Минюста.

– Вечно ты всё опошлишь, Олег Геннадьич! Посмотри, как тебя разнесло. Все от зависти худеют, а ты только поправляешься! – отозвался на его реплику Журов.

– Да не от зависти. С чего ты взял, что я завидую? Не помнишь, как нам эти погоны доставались. Ну, были небольшие приписки. Коньяк в коробке. Но основное-то – служба! Как мы своих гоняли и себя не жалели? Народу нет, а перекрывать надо. Всех ставили под ружьё. Даже вспомнить сейчас страшно! Денег за переработку не платили, говорили всем: за Родину стараетесь!

– Только ты, Олег, что-то с передовой пошёл тюрьмами командовать! – подколол его Журов.

– Родина сказала, и пошёл! – отрезал Игнатов.

Расправив простынь, он ещё крепче завернул своё тело в простынь и обиженно замолчал.

Игнатов не любил вспоминать свой перевод в другое министерство.

Что с ним тогда случилось? Казалось, что всё ополчилось против него. Сын потерял речь. Загуляла жена. Она к тому времени стала помощником прокурора, получила квартиру и приходила домой, когда хотела, ссылаясь на работу. А он оставался всё тем же рядовым сотрудником управления уголовного розыска и уже подчинялся своему бывшему напарнику Фролову Сергею, который стал руководителем отдела и чихвостил его за все промахи наравне с молодыми. Особенно доставалось за прогулы по пьянке.

Непонятное чувство, смешавшее в себе разочарование в службе, неприятности в семье, неудовлетворённость в рабо-

те, и летящие года подвинуло его к стакану, после которого всё становилось на свои места. Напиваясь в стельку, он очень ясно понимал, что его бывший напарник – карьерист и отъявленный негодяй. Что теперь, став начальником, придирается по всяким пустякам, унижая перед молодыми сотрудниками. Показывает свои амбиции. Подвергая авторитет Игнатьева сомнению, уничтожает былые заслуги. Забывая, как они вместе сидели в засадах, и брали вооружённого преступника. Скорее всего, добивается, чтобы Олег уволился, унеся с собой все промахи и недоработки, которые, конечно, имели место быть. А так же случаи, когда они, вдвоём не стесняясь подзаработать, ездили на стрелки, оказывая помощь бизнесменам, прикрывали друг друга!

Кто теперь об этом вспомнит? А если Игнатова убрать из управления, то и начальник будет совершенно чист и незапятнан перед своими молодыми бойцами. Сможет начать новый этап восхождения по карьерной лестнице. Тема-то известная!

– Так все поступали, и будут поступать! – думал он.

В этот период Игнатов и встретил давнего приятеля перешедшего на службу в управление собственной безопасности и ставшего там большим начальником. Шалая мысль об отмщении запала в душу за их очередным застольем: вот где он сможет использовать имеющуюся информацию в отношении своего бывшего напарника.

Через месяц он уже был на новом месте. И ничего не надо

было разыскивать, добывать, выпрашивать. Стоило просто заглянуть в свою память. А потом выложить на листок бумаги весь компромат, предварительно исключив из него себя, и дело готово! Посадить Фролова в тюрьму и сделать показатели нынешнему начальству – что может быть прекрасней, чем убийство этих двух зайцев?

Но видимо пословица не зря существует так долго. Она оправдала своё предназначение. Долго Игнатов возился со своей разработкой. Следил за бывшим шефом, прослушивал его телефоны, подставлял ему стукачей для знакомства. Ничего не получилось. В компьютерной базе остался внесённый им, не подтверждённый компромат на Фролова, а в душе собственный позор неудачника.

Со временем эта информация просочилась к большинству оперов знавших Олега. Шила в мешке не утаишь. Смириться с поражением Олег не желал. Хотелось ещё раз попытаться проявить себя перед новым начальством.

Тогда Игнатов вспомнил, что в год ухода из отдела, он вместе с Фроловым ездил в морг, где совершили подлог.

Саша Полевой, сотрудник их отдела, разбился на своей «волге» ночью. Как раз когда возвращался с пьянки от Игнатова. Занесло на повороте и прямо стойкой двери на столб. Ударился виском – смерть была мгновенной. Остались у него двое детей малолетних и родители пенсионеры.

Фролов вызвал в кабинет Игнатова, которому ещё продолжал доверять.

– Государство у нас богатое, – сказал он, – пусть о детишках позаботится. Если установят спиртное в крови, ни страховки, ни нормальной пенсии по гибели кормильца не получат. Поедем в морг к экспертам, подменим кровь. Конечно, это противозаконно, но дети-то здесь причём? Думаю, нас поймут!

Игнатов согласился и они поехали. Непосредственно договаривался обо всём Фролов. Его действительно поняли, и вскоре жена Полевого получила страховку и регулярную пенсию.

Вот этот-то подлог и вспомнил Игнатов. Кинул в Москву бумагу. Оттуда комиссия мгновенно прилетела по такому случаю. В морге всё перевернули вверх дном. Эксперты не знали, куда деваться от свалившихся на них сотрудников собственной безопасности. Все переговоры прослушивались. Доказали, что образцы крови подменены. Что в крови Полевого было три промилле алкоголя. Но установить чей-то умысел не представилось возможным. Все сходились на том, что произошла ошибка, досадная случайность. С тем проверяющие и уехали.

По итогам проверки вынесли решение о незаконной выплате страховки. Но паровоз ушёл! Деньги возвращать было неоткуда – с детишек много не возьмёшь. И дело спустили «на тормозах». Виновник оказался один – Игнатов. Который поднял шумиху, задействовал целый штат сотрудников, использовал море техники и ничего не добился.

Бывшие коллеги из уголовного розыска всё узнали, но ничего ему не сказали. Просто перестали общаться. А новые руководители, санкционировавшие данные мероприятия, свалили всю вину за провал операции на Игнатова, а заодно и совесть решили свою почистить, предложив ему поискать работу в другом месте.

Когда в очередной раз управление собственной безопасности стали чистить от неугодных, Олег попал в первые ряды уволенных.

Никто не хотел брать его на службу. И только тюремное начальство, соблазнившись оперативным прошлым Игнатова, пригрело у себя. Управление исполнения наказания всегда имело слабые оперативные позиции, и Олег со своим многолетним опытом оказался в фаворе. Помогла чистка высшего руководства погрязшего в тюремной коммерции.

Игнатьев догадывался, что Журов знает эту эпопею, но не распространяется. Так, намекает изредка. Умный мужик. Сам знает, пока до генеральского звания доберёшься, что только не случится с тобой. В каких только передрыгах не бываешь. Конечно, приходилось и подличать. А что делать? Это полковников теперь как собак не резанных. Если постараться, про каждого генерала можно собрать такой компромат! Но надо ли это? Как пел Владимир Высоцкий: «... пусть жизнь осудит, пусть жизнь накажет...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.